

“кино — бандитизм и не более того”

Александр Сокуров — Газете

Фотограф: Лариса Камышева

«Отец и сын» — вторая часть трилогии, начатой фильмом «Мать и сын». Общего между ними нет практически ничего. В чем тогда связь между картинками и почему вы предпочитаете работать «сериями»?

Форма может быть любой — из трех, четырех частей... количество не важно. Есть какое-то внутреннее представление о достаточности, о выраженности содержания. В случае с материалом, который начат фильмом «Мать и сын», кажется, что должно быть три картины. Третью, «Два брата

и сестра», мы сделаем, Бог даст, — пока неясно, когда. То, что меня в лирической части жизни интересует, мы постараемся в этой форме выразить. Что же касается самого принципа, то мне кажется, что он очень дисциплинирует и гармонизирует все усилия. Возникает внутреннее спокойствие, представление о том, что я решил некоторые вопросы — грубые и жесткие, — объединив их в каркас, конструкцию, и теперь могу думать о сути.

Окончание на странице 14

Канны Газета — 2003 — 26 мая — с 1, 14

“кино — бандитизм и не более того”

Александр Сокуров — Газете

Окончание. Начало на странице 01

В каком-то смысле это напоминает принцип канона, которым пользовались древнерусские и европейские живописцы, когда создавали иконописи. Они работали в условиях жестких ограничений, и художественный результат показывает, что такого рода ограничения, дисциплина, для художественного автора не являются клеткой. Это какая-то особая степень свободы. Понимание приходит не сразу, конечно, но я, мои коллеги и друзья, мы работаем много лет по этому принципу. В документальных фильмах у нас элгии — даже если иногда само слово «элегия» не входит в название картины и не определяет драматургию, то эмоциональный посыл идет. Художественное произведение, если оно существует, если оно задумано давно, если ждешь его осуществления, то ты должен сгруппироваться, как перед прыжком с большой высоты. Нельзя совершать прыжок не подготовившись. Работа на картине в каком-то смысле напоминает прыжок с большой высоты. Ты должен за время падения открыть все парашюты, и какой-то из них должен тебя спасти. После каждого вашего фильма создается впечатление, что кинематограф Сокурова стоит в стороне от всего остального. Однако в тяге к трилогиям вы на сей раз совпали со многими — от «Матрицы» до новых работ Ларса фон Триера и Питера Гринуэя. Это произошло случайно? Это задумано не мной, не Триером и не Гринуэем. Это принцип, который существует

и великолепно реализован в литературе: деление на главы, на акты в драматургии. Сам по себе это очень вторичный, технический признак. Если бы у меня была возможность — простая и реальная, — сняв картину, не выпускать ее сразу в прокат, а снять то, что я хочу, дальше, то никаких трилогий не было бы. Было бы просто какое-то повествование, состоящее из частей, которое можно было бы посмотреть за один сеанс. Не было бы длинно, могла бы родиться особая форма работы со временем... Но современное кино и продюсерские условия, в которых все мы работаем, принуждают нас эти главы показывать.

Ваши фильмы существуют как бы вне времени и пространства, однако очень многие расценивают их как крайне актуальные. Следите ли вы за новостями, происходящими вокруг событиями, и влияют ли они на вашу работу?

Я думаю, что окружающие процессы или исторические события не оказывают на меня никакого влияния. Я несколько не удивился событиям одиннадцатого сентября, например. Дело в том, что все просто: большей частью замыслы, которые реализуются сегодня, были описаны в режиссерских экспликациях или каких-то заявках много лет назад. «Русский ковчег» был полностью описан в дневниках и составлен пятнадцать лет назад, сюжет «Отца и сына» еще в восьмидесятом году в общих чертах был изложен — просто не было тогда денег и возможностей. Эти вещи не имеют никакого отношения к актуальности, потому что

они человеческие. Такой фильм мог быть сделан и двадцать лет назад, мог бы и через пятьдесят. Все равно он такой будет. Вот и все. Это моя задача как художественного автора: так работать, как я это понимаю. Нас мучает литературная писательская школа, не кинематографическая, потому что кино — бандитизм и не более того, а литература пытается нас научить себя вести по-человечески. В литературе все реализовано — вот только этой темы нет, к сожалению. Возьмите десяток писателей русских и европейских, и кажется, что вся энциклопедия культуры и энциклопедия сюжетов написаны уже, сформированы. Надо только внимательнее читать, видеть.

«Отец и сын», по общему мнению, по всем параметрам отличается от ваших предыдущих работ. Так ли это для вас?

Не могу сказать — мне так говорят каждый раз. Так и есть. Просто если вы пытаетесь художественно создать что-то, если мотивировки у вас художественные, то как может быть иначе? Только в том случае, если мотивировки у вас спекулятивные — финансовые, связанные с престижем. Если вы последовательно единожды решили, что работаете на основании других, художественных принципов, то так и должно быть.

В зале публика много смеялась — особенно близкие к абсурдным сцене снов и загадочные диалоги спровоцировали такую реакцию...

Может быть, и это очень хорошо. Это означает, что есть подключение к настроению, струне, звучащей в фильме. Когда это делалось, предполагалась такая свобода размещения человека внутри сюжета, и сами персонажи подбирались таким образом, чтобы быть свободными по-своему.

До какой степени для вас вообще важна реакция публики?

Я же не мышка, не кошка какая-нибудь, я человек! Значит, обязательно во мне есть человеческое, что объединяет меня с другими. Вокруг меня есть достаточное количество образованных людей, чувствительных, интересующихся культурой. Их много, но уже не большинство. Может, никогда их большинство не было. Это пространство людей, у которых есть голова на плечах, есть мысли, есть самостоятельная жизнь, есть свобода. А «Матрица» создана для рабов. Об «Отце и сыне» многие кинокритики — особенно европейские — отзывались как об отражении латентной гомосексуальной темы. Как вы можете это прокомментировать?

Европа, а особенно европейская журналистика, просто больна этой темой. Этот призрачный сон сопровождает журналистов — а в Рос-

сии нет такой традиции. Люди обнаруживают себя таким образом, обнаруживают проблемы, которые они никак не могут решить. Они везде ищут подтверждения существования этой проблемы и ее законности, и прощая. Это очень глупые и ограниченные люди, и они должны понимать, что художественное произведение не может строиться на этом. Если строится — то никто не собирается этого скрывать, потому что это жизнь людей, и хотят жить так — пусть живут. Но то, что европейская журналистика и так называемая интеллигенция впускают это даже в отношения между отцом и сыном, говорит о том, что здесь абсолютная беда происходит. Просто обваливается все. Все пытаются найти в европейцах надежду и опору, объединяются в какие-то военные блоки, цепляются за французозов и немцев, поляки и прибалтийцы бросились туда. Наплевать на фундаментальную культуру, наплевать на славянские корни — абсолютно! Все бросились в эти объятия, а здесь сами все сидят в такой щели... Что можно ответить? Дураки, полные дураки. Подходят и задают вопрос: «Мать и сын» — это фильм про incest?» Я говорю: «Лечиться!».

газета

призы 56-го Каннского фестиваля

«Золотая пальмовая ветвь» — «Слон», реж. Гас Ван Сэнт, США
Гран-при — «Далеко», реж. Нури Билге Сейлан, Турция
Приз за режиссуру — Гас Ван Сэнт, «Слон», США
Приз за сценарий — Дени Аркан, «Нашествие варваров», Канада
Приз за лучшую женскую роль — Мари-Жозе Кроз, «Нашествие варваров», Канада
Приз за лучшую мужскую роль — Му-саффер Уздемир и Мехмет Эмин Топрак, «Далеко», Турция
Приз жюри — «В пять часов пополудни», реж. Самира Махмальбаф, Иран
Приз жюри ФИПРЕССИ — «Отец и сын», реж. Александр Сокуров, Россия
Приз экуменического жюри — «В пять часов пополудни», реж. Самира Махмальбаф, Иран
«Золотая камера» за лучший дебют — «Реконструкция», реж. Кристофер Бо, Дания
Специальное упоминание жюри «Золотой камеры» — «Усама», реж. Седиг Бармак, Афганистан

Александр Сокуров: «Матрица» создана для рабов Фото: AP